

Цзян Ехун замер с подносом в руках, чувствуя, как бешено колотится сердце. Попасться вот так, подсматривая за переодеванием... Окажись на месте Жун Жо какая-нибудь барышня, Ехуна наверняка уже тащили бы по улицам в позорной клетке.

Жун Жо поспешно накинул снятую одежду, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Старший брат Чу? Как ты здесь оказался?

Цзян Ехуну нужно было срочно что-то сказать, чтобы не оставить места для двусмысленных толкований.

— Я... я принёс... Ты ведь не обедал...

Юноша тем временем уже застегнул одежду, и на его щеках проступил заметный румянец.

— Благодарю, брат.

Он забрал поднос из рук одеревеневшего Ехуна и, чуть склонив голову, спросил:

— Отчего же ты молчишь?

— Я... — Ехун и впрямь не знал, куда девать глаза, он пылал так, что, казалось, вот-вот повалит пар. — Ты... только не подумай ничего такого... я не хотел...

Жун Жо посмотрел на него с обезоруживающей простотой:

— О чём не подумать?

Цзян Ехун вспотел.

— Я не собирался подсматривать, как ты переодеваешься! — выпалил он едва ли не криком.

Где-то во дворе в ответ на этот вопль надсадно загорланил петух. Ехун готов был провалиться сквозь землю — от волнения он начал нести полную околесицу.

Жун Жо на мгновение застыл, а затем робко улыбнулся.

— Я понимаю. К тому же мне нечего скрывать от тебя. Мы оба мужчины, так что о «подглядывании» не может быть и речи.

Цзян Ехун на негнущихся ногах развернулся к выходу. Как же он жалел, что не постучал, а решил — бес попутал — заглянуть в щель! И ведь не то чтобы подсматривал, просто любопытство пересилило.

— Брат Чу, а ты сам уже ел? — донеслось ему в спину.

Какая уж тут еда... Сейчас Ехун мечтал лишь об одном: приложиться головой обо что-нибудь покрепче, чтобы разом забыть этот позор.

— Я... позже поем...

На следующее утро Цзян Ехун, как и полагается, проснулся от петушиного крика. Желание пустить эту птицу на суп крепло в нём с каждым днём: с тех пор как он занял место Чу Фэя, ему не довелось поспать подольше ни единого разу.

Он с раздражением распахнул дверь. Наглый кочет вытянул шею и закричал прямо ему в лицо, словно насмехаясь. Ехун в сердцах заскрежетал зубами.

— Глава Чу! Глава Чу! Беда! — Чжао Чэнь, как обычно, ворвался во двор с этой вечной своей фразой. Слыша эту «беду» изо дня в день, Цзян Ехун и впрямь начал сомневаться, наступит ли когда-нибудь в его жизни покой.

— Опять? — Ехун недовольно потер ухо. — Что на этот раз стряслось?

Чжао Чэнь схватил его за рукав и потащил к выходу:

— По дороге объясню!

Оказалось, слухи о событиях в Деревне Девяти Семей разлетелись по всей столице. О безумных жертвоприношениях судачили на каждом углу, а стоило людям узнать, что местный рис орошали водой с примесью человеческой крови, как горожан накрыла волна омерзения. От заказов на прославленный рис отказывались один за другим. Ван Дуну и его спутникам не оставалось ничего другого, как собираться в обратный путь ни с чем.

Когда Ехун прибыл на место, Ван Дун и А-Лан как раз увязывали тюки, выглядя совершенно раздавленными. Винить людей было трудно — кому захочется подавать к столу зерно, омытое кровью? Но и жителей деревни было жаль: обычные крестьяне тоже оказались жертвами обмана.

Жун Жо, вышедший следом за Ехуном, тихо произнес:

— Брат, у меня есть идея.

Ехун перестал хмуриться.

— Говори.

Юноша, запыхавшийся от быстрого бега, смотрел на него ясными, будто омытыми росой глазами.

— Нужен гонг.

Ехун на мгновение растерялся, не понимая, к чему это, но за время их знакомства он успел убедиться в остроте ума Жун Жо.

— Лао Чжао, немедленно найди гонг!

Тот, хоть и подивился странной просьбе, приказ исполнил. Когда Чжао Чэнь вернулся, Жун Жо вышел на самое людное место торгового квартала и с силой ударил в медь. Когда взгляды прохожих приковались к нему, он развязал один из мешков:

— Прошу внимания! Перед вами — рис из Деревни Девяти Семей. Все вы знаете, что долгие годы он считался лучшим в столице...

Договорить ему не дали.

— Уноси прочь эту мерзость! — выкрикнул кто-то из толпы. — Мы не хотим уподобляться тем дикарям, что пьют человеческую кровь!

— Верно! Один вид этого риса теперь вызывает тошноту!

Толпа начала угрожающе роптать. Цзян Ехун выхватил гонг и грохнул так, что все разом смолкли.

— Дайте человеку договорить! — Его голос, подкреплённый славой лучшего ловца Люшаньмэнь, подействовал отрезвляюще.

Жун Жо благодарно улыбнулся ему и продолжил:

— Рис в тех краях рождался отменным вовсе не из-за кровавых обрядов или милости темных богов. Всё дело в низинном расположении земель, их невероятном плодородии и обилии чистой воды. Взгляните в «Записки о горах и лесах» великого мастера фэншуй Яо Шана — там

всё описано до мельчайших подробностей. Ещё в прошлую эпоху те места звались краем рыбы и риса. Лишь из-за войн и жестокости прежних правителей земли пришли в запустение.

Он сделал паузу, и некоторые старики в толпе согласно закивали — в их памяти действительно всплывали подобные предания.

— Наш нынешний государь объединил север и юг, — подхватил Жун Жо, видя поддержку. — Нужды в освоении тех пустошей долго не было, пока восемьдесят лет назад туда не пришли беженцы. Раньше то место звалось Девятью Реками. В конце правления прошлой династии там свирепствовала чума. По легенде, странствующий монах исцелил народ, распознав источник болезни в воде и добавив в неё лекарства. В благодарность люди хотели назвать реку его именем...

— Но он отказался! — седовласый старец, улыбаясь, продолжил за него. — Монах сказал: «Высшая добродетель подобна воде, что приносит благо всему существу». Так Девять Рек получили новое имя — Река Благодатных Вод. В знак того, чтобы доброта в сердцах пьющих из неё никогда не иссякала.

Люди зашумели, вспоминая забытое название. Зло помутило их разум, заставив забыть истинную суть родной земли.

— Высшая добродетель подобна воде, — повторил Жун Жо. — Друзья, не пора ли и нам вернуть ту доброту в свои сердца? Пусть река-кормилица вновь обретет свое истинное имя.

В толпе послышались одобрительные выкрики. Кто-то первым вызвался купить рис, и вскоре вокруг телег начался небывалый ажиотаж.

Жун Жо, отступая в сторону, случайно наступил Цзян Ехуну на ногу.

— Ох, прости, брат! Я не нарочно.

— Пустяки, я и не почувствовал. Откуда ты всё это узнал?

— Случайно вычитал в старых свитках, — Жун Жо едва заметно вздохнул. — Тот алтарь когда-то воздвигли в честь Бодхисаттвы Кшитигарбхи, но люди превратили его в окопы для собственного разума. К счастью, злодеев настигла кара.

Цзян Ехун усмехнулся:

— Раз реке вернули имя, не пора ли и деревне сменить название?

Ван Дун, вытирая слезы радости, поспешно закивал:

— Верно, давно пора! Мы уже решили снести алтарь и поставить статую Бодхисаттвы. Раз река наша — Благодатные Воды, то и деревню назовём Деревней Благодатных Вод. Пусть это имя хранит нас от морока.

— Доброе имя, — одобрил Ехун. — Я поговорю с господином Лю. Думаю, Палата обрядов быстро утвердит прошение. А сегодня я угощаю всех вином!

— Пойду, сообщу ребятам! — воодушевленно воскликнул Чжао Чэнь.

Жун Жо тихонько отступил, намереваясь уйти, но Ехун перехватил его:

— А ты куда?

— Тебе ведь нужно выпить с товарищами из ямэня, — Жун Жо грустно улыбнулся. — А я лучше пойду домой.

— Какой еще дом? Идешь со мной, — Ехун схватил его за руку, но тут же, смутившись, отпустил. — Ты что же, думаешь, у меня на лишнюю чарку денег не найдется?

— Нет-нет, брат, я не об этом... — Жун Жо опустил глаза, и тени от его длинных ресниц упали на бледные щеки. — Просто мне там не место... Выходец из веселых кварталов вроде меня... я лишь опозорю тебя перед коллегами.

Ярость вспыхнула в груди Цзян Ехуна. Он сжал кулаки:

— Какой ещё позор? Идешь со мной, и точка! Пусть только кто попробует вякнуть — зубы на пол выплюнет! Пошли!

В таверне «Сто ароматов» вино лилось рекой. Цзян Ехун осушил чарку, чувствуя приятное тепло. Жун Жо сидел подле него тихий и скромный, словно ласковый котенок, лишь молча наблюдая за общим весельем.

Захмелевший Чжао Чэнь поднял кубок:

— Если бы не А-Жо, сидеть бы крестьянам без гроша. Твоя заслуга! Выпьем за него!

Юноша явно не ожидал такого внимания. Он поспешно вскочил, едва не опрокинув стул:

— Что вы, брат Чжао, это всё лишь книжная мудрость. Если бы не старший брат Чу и

доблестные ловцы Люшаньмэнь, трагедия бы продолжалась. Вы — настоящие герои.

Чжао Чэнь расхохотался:

— Вот за это ты мне и нравишься! Складно звонишь! Ну что, парни, выпьем за нашего Жун Жо?

— Выпьем! — хором отозвались стражники.

Жун Жо, польщенный и растерянный, осушил свою чарку слишком быстро и закашлялся, густо покраснев. Цзян Ехун мягко усадил его на место.

— Раскричались тут... — проворчал он, зыркнув на подчинённых. — Хотите тосты говорить? Так почему до сих пор не выпили за меня?

Хо Ча толкнул Чжао Чэня в бок и шепнул так, чтобы слышали все:

— Видал? Сразу под крыло взял. Ох и защитничек!

<http://bllate.org/book/17428/1659164>